

последний долг только-что скончавшимся китайскому императору и императрице — матери... Среди населения, подозревавшего недоброе в скоропостижной смерти царственных особ замечалось некоторое недоумение и даже испуг... Фу-тай, к которому я отправился с визитом, долго не мог говорить от рыданий, сжимавших ему грудь; расстроенный, он делился со мною опасениями о предстоявших по его мнению, губельных для страны последствиях злодеяния.

Через три дня мы прибыли в Гуй-дуй¹⁾, где нашли всё в отличном состоянии. Погода продолжала стоять сравнительно теплая; иногда солнце пригревало ощутительно²⁾; воздух почти ежедневно омрачался тонкой пылью, вздымаемой сильным вихрем; пыльная завеса мешала про-

изводству научных астрономических наблюдений...

Только с началом декабря установилась мягкая зима с небольшими ночными (до $13,0^{\circ}$ С.) морозами и холодными северо-восточными ветрами. Оазис принял унылый серо-желтый оттенок, и как будто замер. Все люди спрятались по своим жилищам, животная жизнь также затихла...

Проявив многочисленные чойбзэн'ские и гумбум'ские снимки, я приступил к печатанию наиболее удачных негативов и одновременно занялся составлением доклада о деятельности экспедиции в Генеральный

Монастырь Чойбзэн. — Гость чейбзэн-гэгэна (в левой руке держит хурдэ).

¹⁾ Общие наблюдения в пути были те же, что и прежде, поэтому я на них не останавливаюсь... замечу только, что попутное селение Сю-дя-цзай, обнесенное глинобитной стеной и украшенное кумирней, мною ошибочно считалось городом.

²⁾ В 1 час дня 22-го ноября в тени, термометр показал $4,5^{\circ}$ С; тогда как в тиши, на солнце, уже было около 15° , что уже жарко, в особенности по отношению к лицу, да еще в разреженном воздухе.